

Астафьев Виктор Петрович Осенью на вырубке astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

О медведях, как о чертях, можно рассказывать бесконечно и занятно. Хотя бы, например, о том, как в одном детдоме ребятишки выкормили медвежонка, а когда он стал медведем, увели его в лес. Зверь же спустя время явился ночью в поселок и давай ломиться в помещение, похожее на детдом. Большая паника была. Милиционер, вызванный к месту происшествия, долго убивал медведя из пистолета, зверь горестно кричал, не понимая, за что и почему его убивают. Или как объездчик Ахия ? татарин, живший в устье уральской речки Вижай, поддался на уговоры городского охотника и пошел с ним на берлогу, но когда выжил шестом зверя с лежки и тот вылетел на свет Божий, городской охотник, полагавший, что медведя в берлоге стреляют, как свинью во хлеву, бросил ружье и помчался вдаль. Ахия давай палить по предателю, но не попал в него, а вот под медведя угодил. Зверь так его устряпал, что остался у объездчика один глаз, рот, разорванный до уха, и все лицо, как у горевшего танкиста, в натеках и розовой коже. Но всех, кто пожелает послушать о берлогах, о проказах косолапых на пасеках, об охоте на овсах, о случайных встречах с медведем грибников, малинников, пастухов, о медвежьих свадьбах, даже о том, как медведица спасла деревенское дитя и воспिता его в лесу, я отсылаю к охотничьему костру, там любитель подобных историй наслушается такого, перед чем даже иной фантаст спасует и может бросить писать, понявши, как приземлен взлет его и детски слабо вдохновение. Я же, как и всякий бродячий охотник, когда-то должен был непременно встретиться с медведем и поведать о том. Таскаясь с ружьем лет с двенадцати, исходил я всякой тайги много: сибирской, заполярной, уральской, вологодской, а вот медведя воочию, тет-а-тет, как говорят французы, узрел всего единожды, потому и судите, сколь редок и осторожен этот зверь. Случалось, конечно, видеть медвежьи следы, хаживал и я медвежьими тропами, рев слышивал, как-то спугнул вроде бы с лежки косолапого, но все на таком расстоянии, что уверенности полной не было ? медведь бежал или лось, а может, бродяга какой... Вообще-то, на зверя я почти не охотился. В детстве бывал раза два на маралых солонцах и, когда при мне убили маралуху, стали ее свежевать, я разревелся и убоину есть не мог. Привыкшие думать, что на меня напущена порча, родственники перестали брать меня на охоту. В войну довелось мне раза два ходить за козами по снегу. На фронте, случалось, стрелял кур, уток, и в "руках не дрогнул карабин", коли добивали на еду раненых горемык лошадей, брошенных в поле. После войны мне никого не хотелось стрелять, но нужда заставляла, и ? грешен, ох грешен ! ? много истребил я на Урале тетеревов, уток и в особенности рябчиков. После окопов, смертей и военной толчеи тянуло от суеты, гама и рева побыть наедине с собою. Охота на рябчиков с манком ? уединенная, тихая, иной раз за день километров тридцать-сорок сделаешь, да все по старым просекам, по заброшенным дорогам, по поймам речек, вдоль логов и ключей, ? красот всяких насмотришься, приключений тыщи изведает, надышишься, отойдешь душою... И до того я сделался беспечен на охоте по птице, что пули вовсе перестал брать, если и были в патронташе один-два заряда с пулями, то лишь для блезиру, как говорят в народе. Когда я приобрел избу в глухой деревне Быковке, что стоит в глуби мыса, образованного соединившимися реками Чусовой и Сылвой, то и совсем о каких-либо зверях забыл думать: леса здесь давно выпластаны, лишь у речек, в недоступных оврагах, растерянно ершились островки хвойников, да на самом мысу, каменным плугом впахавшемся в водохранилище, обреченно шумела грива колхозного лесного надела. По вырубкам взошли осинники, липа, березник, необозримое море розового кипрея, малины, всякой разной дудки, чертополохов, ягодников. Большое тут стадо дичи развелось, особенно тетеревов много гнезнилось, и охота была хорошая, пока не обсыпали с самолета вырубку химическим порошком, борясь с энцефалитным клещом. Клещ как жил в лесном холме, так и живет по сию пору, зато птица вывелась почти подчистую. После одной зимы я шел закраиной колхозного леса, и ноги по щиколотку утопали в птичьем пере. Встреча моя с медведем случилась в ту пору, когда дичи было еще густо, ? веснами небосвод качался от свиста, звона, чулюканья и грая. Сидишь, бывало, на тетеревином току и до того заслушаешься, что даже и стрелять позабудешь. В том году, как встретить мне медведя, малина продержалась до холодов: лето стояло погожее, но прохладное, зато уж осень выдалась любо-дорого ? мягкая, легкая, солнечзарная. Всякая живность повывлезала из кустов, из-под корней, из логов и крепей на открытые места. Я встал рано поутру, отправился по заброшенной трассе высоковольтной линии, во многих местах уже перепоясанной зарослями кустов, стесненной плотно наступающими осинниками, березой, липами, клубящимися в ложках цевошником, щипицей и ивой. По трассе местами еще косили сено, и вот на отаве-то, зеленой, сочной, похожей на густые всходы озимых хлебов, сидели и поклевывали травку тетеревиные выводки. Утром пал иней, трава похрустывала под ногами, звонко

Астафьев Виктор Петрович Осенью на вырубке astafevvictor.ru сыпались листья с осин, было светло и тихо, дышалось так глубоко, что пряный холодок слышно было не только в груди, но вроде бы и в животе. Тетерева сидели плотно. Я скрал и щелкнул одного, потом другого и, сказав себе: "Будя!" ? подался в свою избушку, набрав по пути примороженных маслят. Очень собой и всем довольный, пришел я домой, поел, забрался на русскую печь, чтобы, поспавши всласть, сесть за стол: славно работается в удачно начатый день. Сколько я поспал, не знаю, как приехал из города один мой товарищ, заядлый охотник, и принялся искушать меня идти в лес, заверяя, что работа не Алитет, в горы не уйдет, да и вообще кому она нужна, моя работа? Книг вон сколько написано, а сделали они человечество лучше? Деньки же солнечные на исходе, скоро падера ударит, снег с дождем пойдет, вот тогда знай себе пиши... Разве против таких доводов устоишь! Через час мы топали по той же старой трассе, где косачи жировали утром на хрусткой от инея отаве. Но пригрело солнце, отволгла трава, и все было мокро, переливалось искрами из края в край. Яркие листья, запутавшиеся в бурьяне, тряпично обвисли. На закраинах трассы яснее выявилась и бездымными факелами горела красная рябина; отава зеленела прямо-таки празднично, местами желто светились живучая ястребинка и кульбаба да синел в жухлой полегшей траве скромный цикорий. Тетерева с открытых мест убралась в крепи, мы поманили рябчиков. Они охотно откликались, но из рябин не вылетали, там было хорошо, они звали нас к себе. Два спаниеля ? мой Спирька и Арс товарища, ? один заполошной другого, вышарили в чащобнике вальдшнепа, затавкали, погнались. Мы открыли пальбу из четырех стволов, перепугали долгоносую пташку, собаки ударились искать ее, снова подняли живую, поперли дальше с гавканьем и шумом. ? А не попить ли нам чайку? ? предложил мой соратник по охоте: он начинал варить чай, едва исчезало из виду жильё. Почаевничали, полежали возле костерка, дальше подались, и поскольку я уже загубил две птичьих души, то отправил товарища с собаками старой заросшей просекой, где, по моим расчетам, и должны обретаться в дневную пору выводки, а сам выбрал себе легкий для хода кошений волок с тем, чтобы коротко по нему пробежаться и, спустившись к речке Соколке, до отвала намолотиться смородины. Надежды на успехи в охоте не было никакой. Несделанная работа томила меня, и как только я остался один, пошел по старой, клочковато заросшей вырубке, все, что намечалось к написанию, стало вертеться в голове. Но если я отключился от мира сего, уйдя в мир, пышно говоря, иллюзорный, это не значило, что я не видел ничего вокруг и не слышал. Все я, конечно, видел, все слышал и даже ступал вкрадчиво ? с носка на пятку по мягкой отаве, ? но видел и слышал каким-то уже не главным зрением и слухом, а как бы лишь отражением от главного, второстепенным что ли. Зеленый, заросший по обочинам волок незаметно глазу начал клониться на спуск к речке Соколке. Малинник, ягоды на котором закисли и редкий лист оплесневел от паутины, нет-нет да и одаривал меня ягодкой-другой, запекшейся, к стерженьку прикипелой, но все еще пахучей. Осот ? и здесь осот! ? распушился, разъершился, его иней не бьет, его да крапиву только уж морозом обварит; пенья, выворотни, вершинник и сучья, насоренные лесорубами, год от года зарастали все плотнее, дремучей, но все же быстро поистязали землю гусеницами, колесами, тросами и всяким железом, содрали кожу с земли, заголили ее до обмылисто-серой глины, и трудно берутся добрые растения, особенно лес, на захламленных пустошах. Вот бывший верхний склад. На площадке его под обвалившимися эстакадами и вокруг преет ломь, бревна, обрезь, щепы, сутунки, бурьян кучно ершится, стеной тут стоят малинники ? самое место для отсидки косача, да и глухарю соблазно. Я нащупал пальцем скобу ружья, шаги мои сами собой сделались еще осторожней: вылетит птица ? пальну! Меж тем глаза все как есть отмечали впереди и по бокам волока, а в голове шевелились пестрые, случайные мысли: давно вот бабушке денег не отправлял; как-то домовничают в городе сын с дочерью? Подросли, воля им; приедем с женою ? ждут не дождутся, когда уберемся обратно в деревню; в рассказе, который пишется, все же неблагоприятно начало, найти бы... да где вот найдешь-то? Кто потерял?.. На все вокруг глядел я приценивающимся взглядом, пытаюсь сыскать и выловить слова, краски, звуки. Вон сколько люди черпали в природе всякого добра! Может, и мне чего осталось? За Соколкой, за темными ее ольховыми изгибами, по-летнему ясное, закатывалось солнце. На стоге сена листья медно, нет, скорее, свинцово засветились. Березка, озаренная желтым листом и желтым светом вечернего солнца, стоит, как невеста. Фу-ты, так вот и лезут избитые выражения! Просто оказия с ними! В Быковке есть мельница, старая, заброшенная, уж я вокруг нее и так и этак ходил, чтоб словесное изображение ей подыскать, но в памяти вертелось одно и то же: "Вот мельница! Она уж развалилась; веселый шум ее колес умолкнул..." Да, трудно жать на том поле, где пахали и страдавали классики. А надо! Раз взялся за такую работу. И еще надо как-то собраться написать фронтовому другу большую письмо ? докатились до того, что поздравительными открытками к празднику отделяемся!.. Эх, куда идем, куда заворачиваем?! Что, если ничего не

Астафьев Виктор Петрович Осенью на вырубке astafevvictor.ru придумывать? Так вот и начат рассказ ? с зеленого, густо поросшего волока. Как шел я по нему, будто по мягкому ковру! Опять штамп! Ну, черт с ним, вычеркнем... Шел, значит, я по волоку, а впереди поникшие малинники, липки уже безлистные, ольха молоденькая, крепенькая, теряет зеленый, чуть примороженный лист неохотно. За ольхой ? трухлявый пенёк, красным листом земляники в раскореньях заросший, прелыми опятами облепленный. За пнем медведь стоит на задних лапах. Насторожился. На выворотень смахивает. Не замечал я прежде здесь никакого выворотня. Да разве все пни и выворотни на старых вырубках сочтешь ? их тут море! Чего ж это он, медведь-то, стоит и стоит?! Если ты медведь, так шевелись, реви, делай чего-нибудь!.. Шли мыслишки, и я себе шел. Нет, меня несло расторможенно вперед, и, подойдя к нему вплотную, я сделал еще два-три шага, как бы его не замечая, уверяя мысленно себя, что так не бывает и быть не может ? больно уж все просто; все-таки это выворотень, и к нему как к выворотню и относиться надо. "Да это же медведь, дубина! Зверь! Настоящий!.." ? вдруг прожег меня насквозь проснувшийся во мне страх. И разом все откололось, опало куда-то: мысли, видения, предчувствие близкой стрельбы по тетеревам, березка, бабушка, фронтовой друг, и даже литература, и даже собственные дети. Остались я и медведь. Затвердело и как бы контурно означилось в груди мое сердце, реже и напряженной сделались его удары, пальцы прилепились к скобкам ружья. Брюшко большого уперлось в шершавую насечку предохранителя. От неведомых мне предков перешедшая наука зазвучала во мне ? нельзя стоять к медведю спиной. Смотри ему в глаза, и чтоб лицо твое не было испуганным или угрожающим, не делай резких движений! И пусть хочется, очень хочется задать тягу, Боже тебя упаси от такого соблазна! Я медленно поворачивался к медведю, потому как прошел его, и, повернувшись, обнаружил, что отделяет нас всего шага три-четыре: даже маленького прыжка зверю достаточно, а в стволах (я это сразу вспомнил и раскаянно осознал), в левом, моем любимом для стрельбы, так как я стрелял после фронта с левого плеча, ? дробь-тройка. В правом, несподручном стволе, дробь того мельче ? пятерка. Слышал я, если в упор стрелять ? случается дробью снести зверю череп или выбить глаза... Да мало ли что говорят и мало ли что на свете случается!.. Мало ли!.. Я смотрю зверю в глаза, не наводя на него стволов, ? фронтовой опыт, инстинкт или опять же древняя человеческая память подсказывают: пустоглазые дыры ружейных стволов наводят ужас на все живое. Зверь выгулялся, заматерел, шерсть на нем плотная, лоснится, и на загривок ровно бы хомут надет ? такой он грозной силой налился. В хомуте узкорылая мордочка с черненьким и мокрым, как у моего спаниеля Спирьки, пятачком. На пятачке земляца. Комочки. Рыжие. Лапы зверя по-детски невинно прижаты к груди, кисти лап отвисли безвольно, будто обессиленные руки. Оторопь, оцепенение сковали зверя и передались мне. Надо было что-то делать, стрелять уж, что ли, хоть вверх, для испуга, но я стою. Рыльце медведя чуть приподнятое, вытянутое, и вся мордочка кажется глуповатой. В небольших желтовато-коричневых глазах удивление и виноватость, кажется медведь нашкодившим, провинившимся парнишкой, которого сейчас накажут... Однако память быстро откатывается назад, схватывает тот момент, когда я увидел медведя, и означает напряженная, скрытая ольхой фигура зверя, его выжидательная стойка за пнем. Да он же кого-то скрадывал, караулил! Следы! Лосиха с теленком ходит по волоку к речке. Он ждал их, чтобы напасть на лосенка. А может?.. Что может-то? Дурья башка! Ну что? Думай худое, думай ? так оно и сбудется... Я смотрю на зверя, на все так же глупо и удивленно вытянутое его рыльце, все тот же детский пушок темнеет под храпом и в подмышках, и немигающие круглые глазки, так похожие на пуговичные глазки плюшевого мишки, какого дарят малым детям да игрушкам-барышням, смотрят все с той же невинностью, и твержу себе: не может, не может... Но земля не только на мокром пятачке медведя, она в когтях, остро и круто изогнутых. Там, где лапы вроде бы как для сердечного, извинительного поклона прижаты к груди, выше изгиба, под толстой и прямой шерстью угадываются крутые, как у штангиста, мускулы, в забавных глазках внезапно отразился свет закатывающегося солнца и выявил угрюмую и темную, готовую в любой миг пробудиться звериную ярость. Я даже вроде бы чувствовал окременелую тяжесть и холодность этой ярости, способной высечь из себя искру, от которой воспламенится медвежье нутро, заклокочет лавой бешенство... Хомут на загривке медведя, нелепый и страшный, давил меня все сильнее, огнетал ноги, тело, хотелось забиться, спрятаться куда-нибудь, сердце уже разноройно и загнанно тыкалось в клетке груди, искало норку, норовило в нее спрятаться... Не могут долго так стоять один против другого зверь и человек. Кто-то не выдержит. Кто? В голове отдельная, звонкая, круглой пулей катается мыслишка, нет, даже не мыслишка ? истерика, вопль: "Вскинуть! Двинуть предохранитель! Ударить!.." Но тот собранный, рассудительный в минуту опасности фронтовик, который поселился во мне навсегда, не дает ей заполнить всю голову, ослепить ее не дает, он сдерживает меня, не веля шевелиться, бежать, стрелять, делать дурости, от которых больше всего и

Астафьев Виктор Петрович Осенью на вырубке astafevvictor.ru гибнет людей. Расходиться следует подобру-поздорову. Вот что надо делать! Раздвигаю резиновые губы, шеvelя чужим ртом, я негромко, в меру властно произношу: ? Ну, уходи! Узнаю свой голос и радуюсь тому, что в нем спокойствие и доверие. Не медля ни секунды, ни мгновения, ровно бы он только и ждал позволения, зверь опал на четвереньки и неуловимо, непостижимо, как при таком малом движении, сделал незаметный поворот туловища и головы. Медленно, будто ощупью, с легким шелестом зверь пошел в глубь рыжеющих осенних вырубков, ни на мгновение, однако, не выпуская меня из своего бокового зрения: он так и не поверил мне до конца! Ход зверя все ускорялся, он перешел на рысцу, затем в бег и, наконец, в ныряющие прыжки. Медведь исчез так неслышно и быстро, словно и не было его, словно бы наваждение случилось или я придумал его. Исчез зверь. Растворился в гуще и хламе вырубков. Они впитали его, скрыли собою. И только легкий, почти мышиный шелест оставался в моих ушах... Какое-то время я стоял на месте и ждал, не раздастся ли рев в чаще, и мне почему-то блазиилось ? зверь непременно должен рявкнуть со злостью и досадой: хозяин тайги, он униженно отступил, повернувшись толстым бабьим задом к человеку! Но зная, как он, человек, коварен, зверь, быть может, ждал, как ударят по нему из ружья вдогон, и скорей всего уносил он в себе не мстительную злобу, а страх. Ушел медведь. Исчез. Земля, кусты, бурьян и тайга, пусть даже расхристанная, болезненно оживающая, ? его дом, и он распахнулся перед ним, укрыл зверя в глухом пространстве. Я выдохнул из себя спертый воздух и заметил на свежевскопанной земле вяло ползающих полосатых ос и белые раскошенные соты. Вот оно что! Косолапый-то трудился, добывал себе медку! В сотах земляных ос меду бывает чайная ложка, а вырыл целую траншею! Осы, конечно, кусали его, да такая уж сладкожека этот косолапый, что и про опасность забыл! Недаром имя ему пришло от древнего ? "ведущий мед", недаром! Я заставил себя улыбнуться, но никак не исчезала из глаз и памяти фигура зверя за кустом ольхи. Медок-то медведь успел съесть, осы подавлены, от сотов одни блески... Значит, он все-таки кого-то ждал! Подкарауливал? Кого? Не стану клепать на зверя. Буду думать ? не меня. Я поволокся к Соколке. Из зарослей бывшего лесного склада с клохтаньем начали взлетать тетерева. Но боязно сделалось стрелять, шуметь в вырубках, где существовал зверь и, теперь уже невидимый, пронзал из зарослей мою спину колким, мстительным взглядом. Спустившись к речке, я лег на живот и долго пил холодную воду, совершенно ее не чувствуя, лишь остужаясь изнутри. Потом я утер лицо подкладкой кепки ? вся она была в поту. Посидел, тупо глядя на речку, и догадался ? надо умыться. Медленно все во мне пробуждалось, движения были вялы, отвычны. Подумалось: а если бы пришлось стрелять? отошел от брошенного лесозаготовителями старого бревна и ударил в гладкий ствол дуплетом. Не подходя еще к бревну, различил ? дробь рассеяло... Может, выбил бы зверю глаза? Может, успел бы перезарядить ружье пулей?.. Да малы, очень малы глаза у медведя, а пуля в последней ячейке патронташа, почти за спиной. Патрон я тот года два не вытаскивал, гильза присохла к коже ? попробуй в спешке отдерни! Ох-хотник! Дуплет, сделанный мною, как-то разом все вокруг и во мне встряхнул. Все раны, все царапины во мне и на мне заныли. Я почувствовал неуютность, томление, тоску и даже горе, от которого хотелось заплакать. Не дождавшись товарища в условленном месте, я поволокся домой. Ни мыслей, ни страха во мне уже не было. Усталость, одна только гнетущая усталость да сухость во рту. Шаг сделался вязкий, заплетающийся, возле каждого стожка меня неодолимо тянуло лечь, вытянуться. С поймы Соколки-речки, с обочин покосов срывались косачи, фуркнул из-под ног, с ягодника, рябчик и сел на сухую ольху, весь видный и по-дурацки бесстрашный. Но я только поглядел на него и побрел дальше. От речки, из глухих обрубленных логов и запустелохламных вырубков, где жил и скрывался зверь, наносило холодом и тьмью. Ночью будет большой иней ? скоро зима. Я одрябло поежился и заставил себя прибавить шагу, зная, как дома сейчас натоплено, чисто, неединоко, и заранее радовался всему, что в нем ждало меня, и мне подумалось: всем этим отныне я по-особенному стану дорожить и буду как можно реже отлучаться из дому. 1974

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!